



# Джордж Байрон

КОГДА Я ПРИЖИМАЛ ТЕБЯ  
К ГРУДИ СВОЕЙ...

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

**Джордж Гордон Байрон**  
**Ирина Анатольевна Мудрова**  
**Когда я прижимал**  
**тебя к груди своей...**  
**Серия «Любовная лирика»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63221117](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63221117)*

*Когда я прижимал тебя к груди своей...:*

*ISBN 978-5-227-09184-0*

### **Аннотация**

«Поэзия Байрона, – это вопль страдания, это жалоба, но жалоба гордая, которая скорее дает, чем просит, скорее снисходит, чем умоляет...» – писал Виссарион Белинский о творчестве великого английского поэта, родоначальника названного в его честь течения в европейской литературе XIX в.

В России Байрона любят с первых дней, как только его творчество стало у нас известно. Им захлеб зачитывались лучшие умы нашей страны, и лучшие поэты переводили его произведения. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию сборник лирики Байрона в переводах русских поэтов: Лермонтова, Блока, Брюсова, Плещеева, Фета...

# Содержание

Когда надежда мне являлась	6
К Э*	10
На смерть кузины автора, дорогой его сердцу	11
На расставание с Ньюстэдтским аббатством	13
К Д*	15
На перемену директора Общественной школы	16
Эпитафия другу	17
Отрывок	19
Каролине	20
Каролине	22
Стансы, написанные в «Письмах итальянской монахини и англичанина Ж.Ж. Руссо, основанных на фактах»)	25
Отрывок, написанный вскоре после замужества мисс Чаворт	27
Эмме	28
Каролине	30
Каролине	32
Герцогу Дорсету	34
При виде издала деревни и школы в Гарроу-на-холме	40
Мысли, внушенные экзаменом в колледже	42
К Мэри, при получении ее портрета	46

На смерть мистера Фокса	48
Даме, которая подарила автору локон своих волос, переплетенных с его собственными и назначила ему декабрьскую ночь для свидания в саду	50
Прекрасному квакеру	53
К Лесбии	56
К женщине	58
Случайный пролог, составленный автором перед постановкою на сцене частного театра пьесы «Колесо фортуны»	60
К Элизе	62
Слеза	65
Ответ на некоторые стихотворения Дж. М.Б.	69
Пигота, эсквайра, относительно жестокости его возлюбленной	
Гранта	71
Вздыхающему Стрефону	76
Сердолик	78
Хочу я быть ребенком вольным	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Джордж Гордон Байрон**  
**Когда я прижимал**  
**тебя к груди своей...**

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

# Когда надежда мне являлась

*Мой сон исчезнул и не продолжался.  
Дж. Байрон*

Поэт Байрон прожил яркую и творческую жизнь. Его пылкое и смелое сердце всегда стремилось к любви.

Джордж Гордон Байрон родился в Лондоне в 1788 году в семье выходцев из Нормандии, которые пришли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем и за воинские заслуги были награждены богатыми поместьями. Ко времени рождения будущего поэта семья почти разорилась, хотя в десятилетнем возрасте Джордж стал пэром Англии и получил титул «лорд Байрон».

Мальчик учился в частной школе, в гимназии, но плохо. Няня, читавшая ему псалмы и Библию, принесла ему больше пользы, чем гимназические учителя. Десятилетний Байрон сильно влюбился в свою кузину. Услышав о её помолвке, он впал в истерический припадок. Перед отъездом в школу молодой лорд снова влюбился – в другую свою кузину. Во время каникул 1803 года он опять влюбился, но на этот раз гораздо серьезнее, чем прежде – в мисс Чаворт. В грустные минуты своей жизни он нередко жалел, что она отвергла его.

Потом лорд учился в Кембриджском университете. В 1807 году в печати появилась его первая книга – «Часы до-

суга». Это собрание стихотворений решило его судьбу: выпустив сборник в свет, Байрон сделался совсем другим человеком.

Новаторство Байрона-поэта проявляется в области лирической поэзии, в частности – в любовной лирике. Английская лирическая поэзия к тому времени утратила то ощущение неразрывного единства духовного и плотского начала, без которого любовная лирика не может передать живой голос человеческой страсти. Байрон, напротив, естественно выражает лирические чувства. Чувственный пыл его поэзии не исключает, а предполагает задушевность и глубину. Унаследованное Байроном от просветительского материализма уважение к земному естественному человеку, признание законности всех его природных прав и стремлений, образует идейный подтекст его любовной лирики. В противоположность поэзии реакционного романтизма, где любовь представляла как меланхолическое и даже, по самой своей земной природе, роковое и трагическое чувство, любовная лирика Байрона, раскрывает светлый, прекрасный идеал человека.

В основе любовной лирики Байрона – страстно отстаиваемое им право человека на всю полноту этого щедрого земного счастья. Это и послужило основой конфликта Байрона и других литературных направлений и, в конечном итоге, – конфликта поэта и общества.

К художественно совершенным образам байронической лирики относятся: цикл любовных стихов, адресованных

Мэри Чаворт, в которую поэт был влюблен в студенческие годы; стихи, обращенные к сводной сестре Августе; цикл стихов, посвященных исторической фигуре Наполеона; поэтический цикл «Еврейские мелодии», написанный на библейские мотивы и одновременно полные отголосков современности.

Основным художественным открытием Байрона стало то, что главным героем своей лирики он сделал собственную душу. Его душевная открытость и искренность поражает.

В личной жизни Лорда Байрона было не все гладко. Он развелся с женой. Леди Байрон отказалась сообщить причины развода, и потому причины эти в воображении публики превратились во что-то фантастическое. В апреле 1816 года Байрон простился с Англией.

В апреле 1819 года он встретился с графиней Гвиччиоли, и они влюбились друг в друга. Байрон жил с графиней вплоть до своего отъезда в Грецию и в это время очень много писал. Спокойная семейная жизнь не избавила Байрона от тоски и тревоги. Он слишком жадно пользовался всеми наслаждениями и полученной славой. Вскоре наступило пресыщение. В это время вспыхнуло греческое восстание. Байрон решил отправиться туда и со страстным нетерпением стал готовиться к отъезду. На собственные средства купил английский бриг, припасы, оружие и снарядил полтысячи солдат, с которыми в июле 1823 года отплыл в Грецию.

Там Байрон заболел лихорадкой, продолжая отдавать все

свои силы на борьбу за свободу страны.

В 1924 году на тридцать седьмом году жизни Джордж Гордон Байрон скончался.

Байроном в России начали увлекаться еще при жизни поэта. Это было время расцвета романтизма, и многие поэты, да и не только поэты взяли его на свое знамя. Чаще всего русскими поэтами создавались не точные и буквальные переводы его стихов, а произведения «навешанные», «рожденные по настроению» Байроновских строк. Замечательный переводчик, первый «байронист» России Иван Козлов специально для перевода Байрона изучил английский. Батюшков попросил своего французского друга сделать подстрочник и с него написал несколько строк. Пушкин заинтересовался поэмой Байрона «Гяур» и попытался переводить. Но дальше первых двенадцати строк дело не пошло. Они так и остались неопубликованными в его черновиках.

«Байронический герой» на многие годы вошел в русскую литературу, осмысляясь по-разному по мере того, как шло время и менялось настроение умов.

Вторая половина XX века с развитием школы перевода раскрыла шедевры Байрона как поэта и еще больше сблизила его с нашим обществом.

# К Э\*

Пускай глупцы с неодобреньем  
Над нашей дружбою острят.  
Почту я доблесть уваженьем  
Скорей, чем пышность и разврат!

И если так судьба решила,  
Что я рожден тебя знатней, —  
Не в знатном роде, друг мой, сила,  
Ценнее клад в груди твоей.

Союз живой для нас приятен,  
Он не унизит честь мою;  
Хоть мой достойный друг не знатен,  
Не меньше я его люблю.

1802

*С.А. Ильин*

# На смерть кузины автора, дорогой его сердцу

Стих ветерок... не тронет тишь ночную;  
Зефир в лесах не шевелит листы;  
Я на могилу вновь иду родную;  
Я Маргарите вновь несущу цветы...

Там прах ее печальный холодеет,  
А жизнь давно ль ключом кипела в ней...  
Царь тьмы теперь добычею владеет,  
Ничто его не избежит когтей.

Когда б знавал царь грозный сожаленье,  
Когда б решенье рок менял свое,  
Печальное здесь не звучало б пенье,  
И муза здесь не славилась б ее...

Не нужно слез. Ея душа святая  
В сиянье дня небесного парит,  
И ангелы ее по стогнам рая  
Ведут туда, где радость лишь царит.

Судить ли нам благое Провиденье?  
Роптать ли нам в безумии своем?  
Нет, никогда! Прочь, дерзкое сомненье,

Я в прах готов упасть перед Творцом!

Но образ жив ее души кристальной,  
Не умерли прелестные черты,  
Она – родник моей слезы хрустальной,  
О ней мои все лучшие мечты...

*1802*

*С.А. Ильин*

# На расставание с Ньюстэдтским аббатством

*Зачем воздвигаешь ты чертог, сын крылатых  
дней?*

*Сегодня ты глядишь с твоей башни;  
но пройдет немного лет,  
налетит ветер пустыни  
и завоюет в опустелом дворе.*

*Оссиан*

Ньюстэдт, в башнях твоих свищет ветер глухой,  
Дом отцов, ты пришел в разрушенье!  
Лишь омела в садах да репейник седой  
Пышных роз заглушают цветенье,

От баронов, водивших вассалов на бой  
Из Европы в поля Палестины,  
Лишь остались гербы да щиты, что порой  
Треплет ветр, оглашая равнины.

Старый Роберт замолк; не споет больше он  
Нам под арфу воинственных песен;  
У стены Аскалонской спит Джон Гористон;  
Смертный одр менестреля так тесен.

При Кресси спит и Павел с Губертом; они  
За Эдварда и Англию пали.  
Вас оплакала родина, предки мои,  
И предания вас воспевали.

Вместе с Рупертом четверо братьев в бою  
Смело отдали жизнь при Марстоне  
За права короля, за отчизну свою  
И за верность законной короне.

Тени храбрых! Потомок вам шлет свой привет,  
Отчий дом навсегда покидая!  
Сохранит он в душе память ваших побед  
Вдалеке от родимого края.

Светлый взор при разлуке затмится слезой, —  
Но не страха, – слезой сожаленья;  
Едет вдаль он, горя постоянной мечтой  
Удостоиться с вами сравненья.

Не унижит потомок ваш доблестный род  
Ни позорным поступком, ни страхом...  
Он, как вы, будет жить, и как вы, он умрет,  
И смешает свой прах с вашим прахом!

1803

*В.А. Мазуркевич*

## К Д\*

Когда я прижимал тебя к груди своей,  
Любви и счастья полн и примирен с судьбою,  
Я думал: только смерть нас разлучит с тобою;  
Но вот разлучены мы завистью людей!

Пускай тебя навек, прелестное создание,  
Отторгла злоба их от сердца моего;  
Но, верь, им не изгнать твой образ из него,  
Пока не пал твой друг под бременем страданья!

И если мертвецы приют покинут свой  
И к вечной жизни прах из тленья возродится,  
Опять чело мое на грудь твою склонится:  
Нет рая для меня, где нет тебя со мной!

1803

*А.Н. Плещеев*

# На перемену директора Общественной школы

Где, Ида, слава та, которой ты блистала  
В те дни, когда речам ты Пробуса внимала?  
Когда могучий Рим в бесславье низко пал,  
На место Цезаря он варвара призвал, —  
С тобой такая же теперь метаморфоза:  
На место Пробуса сажаешь ты Помпоза.  
С душою узкою и с узким же умом  
Помпоз гнетет тебя надзором, как ярмом.  
Гражданских доблестей и тени не имея,  
Он тип тщеславного, пустого лицедея.  
С шумихой глупых слов он много правил ввел,  
Еще неслыханных среди английских школ.  
Он педантизм признал системой просвещенья,  
И правит, сам себе давая одобренья...  
Но жребий роковой, постигший древний Рим,  
О Ида, должен быть отныне и твоим:  
От всех твоих наук, взамен их процветанья,  
Тебе останется, увы, одно названье!..

*1803*

*Н.А. Брянский*

# Эпитафия другу

*Αοτηρ προινμιέν ἔλαλες ἐνι ξωοῖσιν εἰῶος*  
*Laertius*

О друг, любимый друг, навеки дорогой!  
Как много тщетных слез мы лили над тобой,  
Какими стонами тебе мы отвечали  
На твой предсмертный вздох, исполненный  
печали!

Когда бы слез поток смерть удержать сумел,  
А стон наш – притупить всю ярость смертных  
стрел,  
Когда бы Красота тирана – смерть смягчила,  
А юность – призрак злой от жертвы  
отвратила, —

Ты, гордость всех друзей, ты жил бы до сих пор  
И радовал собой страдающий мой взор!  
О, если кроткий дух твой без земного страха  
Еще витает здесь, вблизи немого праха, —  
В моей душе прочтет такую скорбь твой взор,  
Которую б не смог изобразить скульптор.  
Не мрамор над твоей могилой роковой —  
Живые статуи рыдают над тобою  
И не притворная склоняется Печаль,  
Нет, Горю самому погибшей жизни жаль.

Пусть плачет твой отец над угасаньем рода, —  
Моя печаль сильней и тяжелей невзгода.  
Не ты утетишь грусть родительских седин,  
Но все же у отца остался младший сын,  
А кто ж в моей душе тебя, мой друг, заменит,  
Кто дружбой новою былую обесценит.  
Со временем отец от слез осушит взгляд,  
Утешится в твоей кончине младший брат,  
Для всех былая скорбь покажется далекой,  
Останется моя лишь дружба одинокой!

1803

*В.А. Мазуркевич*



# Каролине

Ужели ты веришь, что мог я взирать  
На слезы твои без волнения  
И вздохам твоим безучастно внимать,  
Глубоким и полным значенья?

Ты горькие, жгучие слезы лила  
Любви и надежды разбитой —  
Но грудь моя также теснима была  
Такой же тоской ядовитой,

И чужды мы были всех мыслей других,  
Уста в поцелуе сливались,  
И слезы мои незаметно в твоих  
Обильных слезах растворились.

Но щек моих пламень тебя не обжег,  
Ты их охлаждала слезами;  
Язык твой назвать мое имя не мог,  
Его ты сказала очами...

Напрасно ты так изнываешь душой!  
Забудем все прежние грезы,  
Ведь память о них принесет нам с тобой  
Одни бесконечные слезы.

Прощай же, должны мы друг другу сказать,  
Оставь о былом сожаленье,  
О счастье минувшем оставь вспоминать,  
Забыть все – вот наше спасенье!..

*1804*

*Н.А. Брянский*

# Каролине

Ты говоришь: люблю, но взора твоего  
Вполне спокойно выраженье;  
Ты говоришь: люблю, но отчего  
В тебе и тени нет волненья?

Ах, если бы огнем пылала грудь твоя,  
То было б счастья нам порукой;  
Была б ты счастлива со мной, как счастлив я,  
Как я, терзалась бы разлукой.

Когда встречаюсь я с тобой, – огнем любви  
Мое лицо тотчас пылает,  
Но у тебя, мой друг, волненья нет в крови,  
Твой взор на мой не отвечает.

Про страсть мне говорит один лишь голос твой,  
Мое он имя шепчет нежно, —  
Но все же любишь ты любовью не такой,  
Как я – безумно и мятежно.

Твои уста всегда покрыты словно льдом,  
И, отвечая на лобзанья,  
Ответным не горят они огнем,  
Не дышат негою желанья.

Ужели только слов достойна страсть моя?  
Их звук пустой меня тревожит!  
Я с болью чувствую; такая, как твоя —  
Любовь правдивой быть не может!

Встречаешь ты меня холодностью очей,  
Ты не вздохнешь, со мной прощаясь, —  
О, как любовь моя отлична от твоей,  
Как я страдаю, расставаясь!

Душа моя полна тобой, одной тобой,  
Весь день лишь ты в воображенье,  
Когда ж забудусь сном, то вновь перед собой  
Твой образ вижу в сновиденье.

Тогда уста твои, мой друг, не холодны,  
Они огнем любви пылают,  
Прильнув к устам моим, желанья полны,  
Мне поцелуй мой возвращают...

О, если б этот миг еще продлиться мог!  
Увы! обманут я мечтою...  
Чу! голос твой! ах нет, то легкий ветерок  
Колышет сонною листвою.

Когда же наяву, любовию томим,  
Тебя с восторгом обнимаю,  
То чувствую, увы, что я к устам моим

Холодный мрамор прижимаю!

Но если, холодом сковав твои уста,  
Ты счастье мне всей жизни губишь —  
Ты, может быть, разумна и чиста,  
Пусть так!.. – но ты меня не любишь!..

*1804*

*Н.А. Брянский*

# Стансы, написанные в «Письмах итальянской монахини и англичанина Ж.Ж. Руссо, основанных на фактах»)

«Прочь, изощренное искусство!  
Лги тем, кто слепо верит в чувство,  
Осмей тоску сердечных ран,  
Они ж оплачут твой обман».

*Ответ на предыдущее, обращенный к мисс:*

О, дева милая, напрасно  
Так осмотрительно и страстно  
Ты бдишь над женскою душой!  
Коварной лести изощренья —  
Плод твоего воображенья  
И призрак, созданный тобой!  
Кто восхищенными очами  
В прелестный лик хоть раз взглянул,  
Тот льстивой речи похвалами,  
Поверь, тебя не обманул!  
Взгляни хоть в зеркало подоле:  
В нем отражен тот идеал,

Что будит зависть в вашем поле,  
От нас же требует похвал.  
Тот, кто воздаст чистосердечно  
Твоей красе хвалу и честь,  
Воздаст лишь должное; конечно,  
Он скажет правду, а не лесть!

*1804*

*В.А. Мазуркевич*

# Отрывок, написанный вскоре после замужества мисс Чаворт

Бесплодные места, где был я сердцем молод,  
    Анслейские холмы!  
Бушуя, вас одел косматой тенью холод  
    Бунтующей зимы!

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило  
    Часами отдыхать,  
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой  
    Уже не заблестать.

*1805*

*А.А. Блок*

# Эмме

О Эмма! близок час разлуки,  
Пора сказать мечтам прости;  
Еще одной, последней муки  
Мы гнет должны перенести.

Да, страшен этот миг жестокий,  
Судьба велит расстаться нам,  
И вы, мой ангел светлоокий,  
Умчитесь к дальним берегам.

Мы знали счастье, дорогая,  
Мы сохраним его привет,  
О старом замке вспоминая,  
Приюте отроческих лет, —

Где расстилались перед нами  
Долина, парк и гладь озер;  
От них наполненный слезами  
Мы оторвать не в силах взор.

Вот те места, где мы играли,  
Где вы, в тени дерев густой,  
На грудь мне голову склоняли,  
Насытись резвой беготней;

Где, страстью нежною волнуем,  
С вас мух сгонять я забывал,  
Но сам к их смелым поцелуям  
Я зависть тайную питал.

А вот и он челнок наш скорый,  
Мы в нем носились по водам;  
Вот клен могучий, на который  
Взбирался я в угоду вам.

Те дни прошли, увяла радость,  
И парк и замок опустел...  
Где наших встреч веселых сладость?  
Их светлый гений отлетел...

Как тяжела моя утрата  
Поймет лишь тот, кто пережил,  
Когда теряешь без возврата  
Все то, что пламенно любил.

Не в силах я тот миг печальный  
Без горьких слез перенести,  
В нем, как любви аккорд прощальный,  
Звучит последнее прости.

1805

*Н.А. Брянский*

# Каролине

Когда же скорбь мою могила успокоит,  
И дух мой от земли направит свой полет?!  
Жизнь в настоящем – ад, грядущее ж удвоит  
Всю горечь прошлого ярмом дневных забот.

В устах проклятий нет; из глаз не льются слезы;  
Я не прогнал врагов блаженства моего.  
О жалкая душа, ты можешь без угрозы  
Лишь сетовать в тоске бессилья своего!

Но если бы мой взор сверкал огнем кровавым  
И с уст лился поток неукротимых слов,  
Я б молнии метал в лицо врагам неправым  
И гневу б языка дать волю был готов!

Теперь же тщетно все! И жалобы, и муки  
Мучителей моих утешить бы могли;  
При виде наших слез в последний час разлуки  
Их злобные сердца восторгом бы цвели!

Но если б даже мы смирились покорно —  
Ликующим лучом жизнь больше не блеснет:  
Любовь не принесет утечи благотворной,  
Надежда умерла, – одна боязнь живет!

Когда ж они меня схоронят, дорогая?!  
Любви и дружбы нет!.. Лишь горе без конца...  
Но если обниму опять в гробу тебя я,  
Быть может, там они не тронут мертвеца!

*1805*

*В.А. Мазуркевич*

# Каролине

Не подумай, что страстным признаньям в ответ  
Я скажу, что любви я не верю твоей;  
Лишь взгляну на тебя – и сомнения нет,  
Так правдив этот блеск твоих ясных очей.

Но, любя, не могу не страдать я душой,  
Что, как листьям, увянуть любви суждено,  
Что промчатся года – будем плакать с тобой  
Мы о юности нашей, минувшей давно.

Что настанет пора – и каштановых кос  
Ветерку не придется ласкать на тебе,  
И серебряный цвет поредевших волос  
Нам напомнит об общей печальной судьбе.

Вот о чем я грущу, дорогая моя,  
Не дерзая на Бога душою роптать,  
Что настанет твой час, – и лишусь я тебя,  
Что на свете всему суждено умирать.

Так пойми же причину волнений моих,  
Недоверчивый друг мой! Тебя я люблю,  
Нет сомнений на сердце моем никаких,  
Каждый взгляд твой, улыбку – я жадно ловлю,

Но настанет черед роковой и для нас,  
И горевшие пылкой любовью сердца  
Будут спать на кладбище, пока трубный глас  
Не разбудит всех мертвых по воле Творца.

О, так выпьем же чашу блаженства до дна,  
Пока льется оно к нам кипучей струей,  
Будем пить, пока чаша благая полна  
Дивным нектаром нашей любви молодой!

*1805*

*Н.А. Брянский*

# Герцогу Дорсету

Дорсет, который в юности со мною  
Все тропки в рощах Иды исходил,  
Кому, защитник, преданный душою  
Я больше другом, чем тираном был,  
Хотя обычай грубый в нашей школе  
Тебя моей всецело вверил воле, —  
Ты, чей удел через немного лет —  
И дар богатств, и власти пышный цвет, —  
Ты и теперь уж именем прославлен:  
Немного ниже трона ты поставлен.  
Но это пусть не соблазнит тебя  
Презреть науку иль бежать контроля,  
Хотя бы воспитатели, любя  
Покой и лень, во всем тебе мирволя,  
Боясь обидеть знатного сынка,  
Чья власть в грядущем будет велика, —  
На герцогские шалости смотрели  
Сквозь пальцы и бранить тебя не смели.

Когда же юных паразитов рой,  
Которым был не ты, – кумир золотой  
(И в юности, на самом дне рассвете,  
Готовы льстить рабы дрянные эти), —  
Когда они внушать тебе начнут,

Что почести одни тебя лишь ждут,  
Что ты к величью избран от рожденья,  
Что лишь глупцы корпят в тисках ученья  
Над книгами, что благородный дух  
К морали общей может быть и глух, —  
Не верь: они влекут на путь позора,  
Честь имени ты с ними сгубишь скоро!  
Нет, обратись к немногим тем друзьям,  
Которых в Иде ты узнал сызмала,  
Иль, если даже не найдешь и там  
Таких, чья смелость правду бы сказала  
И осудить дурное все дерзала, —  
Спроси свое ты сердце: пусть гласит  
Оно, как твой советник и свидетель;  
Оно тебе, мой мальчик, верный щит,  
И верю, – в нем таится добродетель.

Да, за тобою долго я следил;  
Но рок зовет: я осужден к уходу...  
В твоей душе я силы находил,  
Которые, созрев, людскому роду  
Благословеньем были б. Ах, я сам  
Дик по природе, слишком горд, упрям;  
Я безрассудства, точно, сын любимый;  
Но если так во многом грешен я, —  
Пусть это все падет лишь на меня,  
Пусть я один паду, неукротимый;  
Но все ж ценить умею я вполне  
Те доблести, которых нет во мне.

Достаточно ль – меж прочими сынами  
Могущества, на краткий час блеснуть,  
Как метеор, украсив именами  
Страницы пэрства, жизненный свой путь  
Отметив только спесью перед нами?  
Такому общий жребий рок сулит;  
При жизни знатен, а в гробу забыт,  
Не отличен от смертного простого  
Ничем, как только камнем гробовым  
С гербом полуразрушенным над ним,  
Да свитком геральдическим, чье слово  
Напыщенно, но пусто. Так спит лорд,  
Безвестен, нем, хоть именем он горд;  
Так мирно спят могилы средь забвенья,  
А в них – тела, безумства, прегрешенья  
Тех, чей отмечен в летописях род,  
Хоть запись ту едва ли кто прочтет.

Хотел бы я, хоть в будущем далеком,  
Пророческим тебя увидеть оком  
Меж мудрецов и добрых, в их среде;  
Хотел бы, чтоб в успехе неустанном  
Талантом ты блистал, не только саном,  
И чтоб ты был прославленный везде,  
Пороком не запятнан ни единым,  
Фортуны не любимцем – лучшим сыном!

Взор обрати в анналы прежних лет:



Прости, прости!.. Но полно, – силы нет  
Всем милым сценам посылать привет.  
Изгнанник так, отчизну покидая,  
Приветствует тот берег, где он рос,  
И землю даль скрывает голубая,  
И взор немой печален, но без слез,  
Прощай, Дорсет. Не жду участия к горю  
В душе, столь юной, как твоя, – о, нет!  
В тебе уж завтра, чуть лишь встретишь зорю,  
Моей сотрется памяти весь след.  
Быть может, мы в грядущем, в полной мере  
Созрев, с тобой в одной сойдемся сфере;  
В сенате, в преньях, наряду с тобой  
Подам и я, быть может, голос свой,  
И мы сидеть с тобою будем рядом,  
Встречаясь лишь холодным, чуждым взглядом;  
И буду я тебе ни враг, ни друг,  
Твоих не зная радостей и мук;  
Не предаюсь я радостной надежде  
С тобою вспомнить все, что было прежде;  
Не буду снова близок я с тобой  
И лишь в толпе услышу голос твой;  
Но, если чувств своих я не умею  
Иль, может быть, не должен утаить,  
То, – до конца дай песню мне излить, —  
Надеюсь я, уверенность лелею,  
Что ангел твой хранитель вознесет  
Тебя во славе, как высок твой род.

1805

*Н.А. Холодковский*

# При виде издали деревни и школы в Гарроу-на-холме

*Oh mihi praeteritos referat si Juppiter annos!*  
*Vergilius*<sup>1</sup>

О детства картины! С любовью и мукой  
Вас вижу, и с нынешним горько сравнить  
Былое! Здесь ум озарился наукой,  
Здесь дружба зажглась, чтоб недолгою быть;

Здесь образы ваши мне вызвать приятно,  
Товарищи-друзи веселья и бед;  
Здесь память о вас восстает благодатно  
И в сердце живет, хоть надежды уж нет.

Вот горы, где спортом мы тешились славно,  
Река, где мы плавали, луг, где дрались;  
Вот школа, куда колокольчик исправно  
Сзывал нас, чтоб вновь мы за книжки взялись.

Вот место, где я, по часам размышляя,  
На камне могильном сидел вечерком;  
Вот горка, где я, вокруг погоста гуляя,

---

<sup>1</sup> О, если бы Юпитер вернул мне ушедшие годы! – Вергилий (*лат.*).

Следил за прощальным заката лучом.

Вот вновь эта зала, народом обильна,  
Где я, в роли Занги, Алонзо топтал,  
Где хлопали мне так усердно, так сильно,  
Что Моссопа славу затмить я мечтал.

Здесь, бешеный Лир, дочерей проклиная,  
Гремел я, утратив рассудок и трон;  
И горд был, в своем самомненье мечтая,  
Что Гаррик великий во мне повторен.

Сны юности, как мне вас жаль! Вы бесценны!  
Увянет ли память о милых годах?  
Покинут я, грустен; но вы незабвенны:  
Пусть радости ваши цветут хоть в мечтах.

Я памятью к Иде взываю все чаще;  
Пусть тени грядущего Рок развернет —  
Темно впереди; но тем ярче, тем слаще  
Луч прошлого в сердце печальном блеснет.

Но если б средь лет, уносящих стремленьем,  
Рок новую радость узнать мне судил, —  
Ее испытав, я скажу с умиленьем:  
«Так было в те дни, как ребенком я был».

1806

*Н.А. Холодковский*

# Мысли, внушенные экзаменом в колледже

Среди коллег величием блистая,  
На кресле Магнус с важностью сидит,  
Как некий бог; студентов юных стая  
На ментора с тревогою глядит;  
Безмолвствует толпа голов поникших,  
Его лишь голос потрясает зал,  
Браня глупцов несчастных, непостигших  
Великих математики начал.  
Блажен юнец! Он об Эвклиде слышит,  
Но сведений почти лишен других;  
По-английски двух строчек не напишет,  
А греческий скандует бойко стих;  
Не знает он, как кровью истекали  
Отцы его в усобице родной,  
Как вел Эдвард полки в блестящей стали,  
Как Генрих стиснул Францию пятой;  
Он удивлен при слове Magna Charta,  
Но скажет вам, как управлялась Спарта;  
Ликурга мудрость он прославит вам,  
А Блэкстон спит под толстым слоем пыли;  
Он греческих не мало знает драм,  
А об Эвонском барде все забыли.  
Да; таковы юнцы, которых ждут

Чины, медали, должности, награды;  
Иные ж взять, пожалуй, были б рады  
За красноречье приз, – когда дадут.  
Но знайте, что серебряной той чаши  
Оратору *простому* не добыть, —  
Не потому, чтоб надо было быть  
Витией, чтоб *главы* пленились наши:  
Стиль Туллия иль Демосфена пыл  
Тут совершенно б бесполезен был.  
Нам ясности и пылкости не надо:  
Ведь речью мы не убеждать хотим;  
Такой успех другим мы отдадим,  
Кому в том есть и гордость, и отрада;  
Стремясь себе лишь нравиться самим,  
Мы не хотим увлечь людское стадо.  
Речь тем серьезней, чем невнятной звук;  
То взвизгнем мы порой, то взвоем вдруг;  
Красивым жестам подражать опасно;  
Декана тем обидим мы напрасно;  
Нет, аспирант недвижно должен врать  
И ни с кого примера в том не брать.  
Кто о заветном кубке мыслью занят,  
Тот стой столбом и вверх смотреть не смей;  
Затем болтай без усталы, скорей —  
О чем-нибудь: ведь кто же слушать станет?  
Мели живей: поспешность тут не грех;  
Кто всех быстрее трещит, тот лучше всех;  
Кто в краткий срок всех больше мелет вздора,  
Тот болтунам приятней всех, без спора.

Сыны науки, за столь славный труд,  
Лениво в куцах Гранты проживают.  
На берегу Кэма мирно почивают,  
Живут безвестно и в забвенье мрут;  
Настолько ж тупы, как изображения,  
Висящие в их залах по стенам, —  
Они дошли, глупцы, до убежденья,  
Что знанья все засели только там;  
В манерах грубы, в пошлых формах точны  
И к новому в своем презренье прочны, —  
Бэнтлея, Брунка, Порсона отчет  
Они одобрят без больших забот  
О тех стихах, что критики предметом  
Явились: им и горя нет об этом!  
Они тщеславны, тяжелы, как эль,  
С большим умом, с противными речами;  
Неведомы им дружбы смысл и цель,  
Но все ж они чувствительны сердцами,  
Когда велит им церковь или власть,  
И в ханжество всегда готовы впасть.  
Могучим лордам льстят они безбожно, —  
Будь это Питт иль Пэтти в данный час, —  
Они пред ним гнут спину каждый раз,  
Как только митру получить им можно;  
Но чуть лишь лорд немилостью сметен, —  
Бегут к другому, кем он замещен.  
Вот кто хранит сокровища науки!  
Вот их дела, вот плата за их штуки!  
И кажется, что мы не погрешим,

Сказав: по плате им цена самим.

1806

*Н.А. Холодковский*

# К Мэри, при получении ее портрета

Твоей красы здесь отблеск смутный, —  
Хотя художник мастер был, —  
Из сердца гонит страх минутный,  
Велит, чтоб верил я и жил.

Для золотых кудрей, волною  
Над белым выющихся челом,  
Для щечек, созданных красою,  
Для уст, — я стал красы рабом.

Твой взор, — о, нет! Лазурно-влажный  
Блеск этих ласковых очей  
Попытке мастера отважной  
Недостижим в красе своей.

Я вижу цвет их несравненный,  
Но где тот луч, что, неги полн,  
Мне в них сиял мечтой блаженной,  
Как свет луны в лазури волн?

Портрет безжизненный, безгласный,  
Ты больше всех живых мне мил  
Красавиц, — кроме той, прекрасной,

Кем мне на грудь положен был.

Даря тебя, она скорбела,  
Измены страх ее терзал, —  
Напрасно: дар ее всецело  
Моим всем чувствам стражем стал.

В потоке дней и лет, чаруя,  
Пусть он бодрит мечты мои,  
И в смертный час отдам ему я  
Последний, нежный взор любви!

1806

*Н.А. Холодковский*

# На смерть мистера Фокса

*В газете «Morning Post» появился следующий непристойный экспромт:*

Врагов страны смерть Фокса беспокоит,  
А Питта смерть была приятна им;  
Пусть Смысл и Правда чувства те раскроют, —  
Мы ж должное заслугам воздадим.

*На это автор послал в «Morning Chronicle» следующий ответ:*

О гадина! Ты ядовитым зубом  
И мертвого язвишь, в стремленье грубом  
Ко лжи! Врагов страны скорбят сердца,  
Плененные величьем мертвеца,  
А языки лжецов клеймят лукаво  
Того, чье имя увенчала слава!  
Питт умер в цвете мощи, в блеске сил,  
Хоть неуспех закат его мрачил, —  
И жалости росистыми крылами  
Он был покрыт; в ком благородство есть,  
Тот воевать не станет с мертвецами.  
Друзья, воздав хвалу ему и честь,  
Простились с ним в печали, со слезами,  
И все его ошибки, вместе с ним,

Покоятся под кровом гробовым.  
Он пал, как Атлас: надорвались плечи  
Под бременем борьбы противоречий;  
И вот явился Фокс, как Геркулес,  
И с ним наш строй разрушенный воскрес,  
Но пал и он, кому свой жребий бритты  
Вручили, – вновь надежды все разбиты,  
И не один великий наш народ  
Печален: вся Европа скорбь несет.  
«Пусть Смысл и Правда чувства те раскроют»,  
Чтоб честь воздать тому, кто чести стоит!  
Так пусть же злая Клевета молчит,  
Пусть мужа государственного дело  
Не омрачает! Фокс, кого так чтит  
Весь мир и чье безжизненное тело  
Во мраморной гробнице мирно спит,  
Оплакано друзьями и врагами, —  
Фокс, чей талант враги признали сами,  
В истории британской заблестит,  
Как патриот, не менее, чем Питт!  
И Питта, только Питта, чтит хвалою  
Лишь Зависть, под личиной чести злою!

1806

*Н.А. Холодковский*

**Даме, которая подарила  
автору локон своих волос,  
переплетенных с его собственными  
и назначила ему декабрьскую  
ночь для свидания в саду**

Ваш локон, нежно перевит  
С моим, – нас крепче соединит,  
Чем все пустые словопренья  
И клятв надутых уверенья.  
Любовь крепка в нас; изменить  
Ни в чем не могут это чувство  
Ни срок, ни место, ни искусство;  
Зачем же нам судьбу винить,  
На что нам вздохи, плач кручины,  
Пустая ревность без причины,  
Причуд и праздных слов обман, —  
Чтоб только был у нас роман?  
К чему, как леди Плакса, горе  
Изобретать и слез лить море?  
К чему избранник ваш, застыв,  
Томиться будет, еле жив,  
В саду, в ночь зимнюю? Едва ли  
Удачно место вы избрали.

С тех пор, положим, как Шекспир  
Увлек своим рассказом мир, —  
С тех пор, как пылкая Джульетта  
Для встречи своего предмета  
Избрала сад, – для нежных встреч  
Удобней мест не представлялось;  
Но если б Муза вдохновлялась,  
Когда пред ней топилась печь,  
Иль наш поэт писал бы драму  
На Рождестве, в большой мороз,  
И к нам любовника и даму  
В британский холод перенес, —  
Он дал бы им, из состраданья,  
Иное место для свиданья.  
В Италии, не спору: там  
Тепло довольно по ночам  
И ночью там мечтать отрадней,  
Но здесь, на севере, прохладней  
Сама любовь, а потому  
На этот раз от подражанья  
Уместно было б воздержанье;  
Приятней сердцу моему  
При солнце было бы свиданье,  
А если ночью, – на дому.  
При ледяной такой погоде  
Там ласки слаще на свободе;  
Всех роц аркадских, что мечтам  
Рисуются, приятней там!  
И если страстию своею

Я угодить вам не сумею, —  
Тогда ближайшую всю ночь  
Насквозь промерзнуть я не прочь;  
Свой смех навек тогда забуду  
И проклинать свой жребий буду.

*1806*

*Н.А. Холодковский*

# Прекрасному квакеру

Лишь раз мы встретились с тобой,  
Но я той встречи не забуду;  
Без новой встречи, ангел мой,  
Твою красу я помнить буду.  
Я не скажу, что я влюблен,  
Но чувство с волей не согласно,  
И, думой о тебе смущен,  
Тебя забыть стремлюсь напрасно.  
Я подавляю вздох, но вновь  
Другой родится непременно,  
Быть может, это не любовь.  
Но мне та встреча – незабвенна!  
Молчали мы; красноречив  
Был только взор, хотя безгласен...  
Язык бывает часто лжив  
И с нашим чувством несогласен;  
Уста измену шлют, греша,  
И слово с сердцем редко дружно;  
В глазах же светится душа,  
Им фальши сдержанной не нужно.  
Когда наш взор нам все открыл  
И чувства все понять заставил,  
Нас *дух* внутри не осудил;  
Скажу скорей, – «дух нами правил»!

Я чувство подавил в себе,  
Но ты его – я верю – знаешь,  
И, как я помню о тебе,  
Так обо мне ты вспоминаешь.  
Что до меня, то образ твой  
И днем и ночью предо мною:  
Во снах – с улыбкою живой,  
В мечтах – когда глаза открою.  
Я в грезах сладостных тону,  
Часы летят, минут короче,  
И луч Авроры я кляню,  
И я желал бы вечной ночи.  
Что б ни сулила мне судьба, —  
Беда ль иль радость ждет повсюду,  
Влечет любовь, грозит борьба, —  
Твой образ век я не забуду.  
Ах, не сойтись уж нам с тобой,  
Не говорить уж взглядом взглядом!  
Могу лишь жаркою мольбой  
Излить душевную я страду:  
Хранима будь навек от зла,  
Мой милый квакер, небесами!  
Мир, радость, честь и похвала  
Да будут дней твоих венцами!  
Пусть тот счастливец, с кем, любя,  
Ты заключишь союз священный,  
Вседневно радует тебя,  
Как муж, любовник неизменный!  
Пусть скорбь вовек тебя не ждет,

Пусть горе вечно не тревожит,  
Которым тяжело страдает тот,  
Кто позабыть тебя не может!

*1806*

*Н.А. Холодковский*

# К Лесбии

Расстались, Лесбия моя,  
С тобою мы, и страсть остыла;  
Ты пишешь, что не тот уж я,  
А ты – верна. Но в том ли сила?

Твой лоб – все так же гладок он;  
Я также юношей остался  
С тех пор, как робко был влюблен  
И, осмелев, в любви признался.

Шестнадцать лет лишь было нам!  
С тех пор прошли два долгих года,  
Я отдаюсь иным мечтам  
И в даль влечет меня свобода.

Да, да! во всем – моя вина;  
Один изменник я, – не спорю;  
Твоя грудь милая верна,  
Лишь мой каприз – причина горю!

Друг! Верю верности твоей,  
Далек от ревности позорной!  
Чиста была страсть юных дней,  
В ней нет следа измены черной!

И я не ложно был влюблен;  
О, я любил чистосердечно!  
И хоть умчался дивный сон,  
Но чтить тебя я буду вечно.

Уж не сойтись в беседке нам,  
Скитанье мне милее стало;  
Но старше, крепче нас сердцам  
Однообразье досаждало.

Румянец щек твоих цветет  
Красою дивной, несравнимой,  
И взор твой молнии кует  
Для битв любви непобедимой;

Сильна краса твоя! Пред ней  
Судьбина многих пасть принудит;  
Быть может, будут те верней,  
Но вряд ли страсть их жарче будет.

*1806*

*Н.А. Холодковский*

# К женщине

О женщина! Весь опыт мой  
Твердит, что всякий, кто судьбою  
Сведен с коварною тобою, —  
В тебя влюблен с минуты той.  
Пусть опыт учит не тревожно,  
Что ты всегда клянешься ложно:  
Твоей красою вдохновлен, —  
Я все забыл, я вмиг влюблен!  
Воспоминанье – дар прекрасный  
Для тех, кому надежда льстит,  
Кто наслаждался в неге страстной;  
Но, как проклятье, тяготит  
Оно того, кто чужд надежде,  
В ком больше нет любви, как прежде.  
О женщина, прекрасный лжец,  
Юнцов доверчивых ловец!  
Как бьется пульс, когда впервые  
Мы встретим блеск лазурных глаз,  
Иль глазки черные, живые,  
Лучом любви пленяют нас!  
Как всем мы клятвам верим скоро,  
Как принимаем их без спора,  
Навеки видя в них оплот, —  
А в тот же день измена ждет!

И тщетно мудрость вековая,  
Веля не верить налегке,  
Гласит, что «женщина, давая  
Обеты, пишет на песке».

*1806*

*Н.А. Холодковский*

# Случайный пролог, составленный автором перед постановкою на сцене частного театра пьесы «Колесо фортуны»

Известно всем, что век наш утонченный  
Изгнал со сцены фарс бесцеремонный;  
Нет вкуса к грубым шуткам с этих пор  
И авторов тех шуток ждет позор.  
Ряд чистых сцен мы здесь вам представляем  
И Красоту краснеть не заставляем,  
И наша Муза скромно наперед,  
Хотя не славы, – снисхожденья ждет.  
Но не одной ей страшно ваше мнение,  
*Другим* еще нужнее снисхожденье.  
Ведь «ветеранов Росция» здесь нет,  
Которым стал привычен рампы свет,  
Ни Кэмбль, ни Кук не встанут перед вами,  
Не будет Сиддонс умилять слезами:  
Зародышей-актеров здесь дебют  
И новую вам драму поднесут!  
Едва расправив крылья, как актеры,  
Мы просим нас щадить: птенцы бесперы,  
И если в первый, робкий свой полет

Они падут, – навек их гибель ждет.  
Здесь не один трусишка, полн тревоги,  
Надеется услышать суд ваш строгий, —  
Вся «действующих лиц» семья дрожит  
И ожидает, что судьба решит,  
Не торгоши мы: платы нам не надо,  
Аплодисменты – вот нам вся награда;  
Для них любой «герой» стараться рад  
И «героини» ради них дрожат.  
К последним, верно, суд помягче будет:  
Кто ж слабый пол безжалостно осудит?  
Кому Краса и Юность – верный щит,  
Тех и строжайший цензор пощадит.  
Но если мы вам угодить не властны  
И наши все усилия напрасны —  
То, если жалость есть в груди у вас,  
Не одобряйте, но простите нас.

1806

*Н.А. Холодковский*

# К Элизе

О, Элиза! Не глуп ли закон мусульман,  
Что всех женщин лишает он жизни загробной?  
На тебя бы взглянули: забыли б Коран,  
Отреклись бы все вмиг от доктрины подобной.

Будь пророк их не вовсе рассудка лишен,  
Никогда не изгнал бы он женщин из рая;  
В небе гурий не стал бы выдумывать он:  
Все бы женщинам отдал, – от края до края.

Но и этого мало казалось ему,  
Что душе он из вас приказал удалиться;  
Он по нескольку жен мужу дал одному!  
Пусть душ нет, – так и быть; но зачем же  
делиться?

Этой верой нельзя никому угодить:  
Мужу трудно, а женам обиднее смерти;  
Хоть пословицей можно б ее подтвердить,  
Что «все женщины – ангелы, жены же – черти».

Эту истину нам и Писанье твердит.  
Новобрачные! Слушайте, благоговей,  
Что Евангелье вам в искупленье сулит

Во второй и двадцатой главе от Матфея:

На земле нам довольно страданий от жен,  
Чтоб еще и на небе нам мучиться; там уж  
(Так вещает апостол священный закон)  
Браков нет и никто не выходит там замуж.

И мы вправе сказать: если в рай бы попасть  
Удалось со святыми их женам – всем хором,  
И забрали бы жены, как в жизни, всю власть, —  
Все бы небо подпало семейным раздорам.

Столько было бы споров, тревог и забот,  
Что – со мной согласятся Матфей, Марк  
и Павел, —  
Тут одно было б средство: всеобщий развод,  
Чтобы общий мятеж не нарушил всех правил.

Да, развод для супругов – желанный конец;  
Но мужчине без женщины жить невозможно.  
Мы, все цепи порвав, не стесняя сердец,  
Будем вечно любить вас, без уз, но не ложно.

Пусть глупцы и мерзавцы твердят свой рассказ,  
Что души у вас нет: будь хоть вы с тем согласны, —  
Не поверю! Так много небесного в вас,  
Что без вас весь увял бы сад рая прекрасный!

1806

*Н.А. Холодковский*

# Слеза

*O lachrymarum font, tenero aacroa  
Ducentium ortut ex animo; quater  
Felix! in imo qui scatentem  
Pectore te, pia Nyropha, sensit.*

**Граф**

Если Дружба манит  
Иль Любовь нас пленит  
И нам Искренность смотрит в глаза, —  
Могут ложью увлечь  
И улыбка, и речь,  
Но знак верный приязни – слеза.

Часто злобу иль страх  
На фальшивых устах  
Прикрывает улыбки краса;  
Пусть грудь нежно вздохнет,  
Взор любовью блеснет  
И слеза в нем сверкнет, как роса.

Милосердия жар,  
Смертных сладостный дар,  
Очищает от варварства нас;  
В сердце чувство горит  
И, где милость царит, —

Исторгаются слезы из глаз.

Тот, кто плыть принужден,  
Как помчит аквилон,  
По гребням Атлантических вод, —  
Наклоняясь к волне,  
Чуя смерть в глубине, —  
Блестки слез в синей влаге найдет.

Ради славы солдат  
Жизнью жертвовать рад,  
Тверд и смел пред военной грозой;  
Но когда враг сражен, —  
Рад поднять его он  
И кропит его раны слезой.

Если ж кончив поход,  
Гордо к милой придет,  
Бросив меч, обагранный в крови, —  
Нет награды славней,  
Как с прекрасных очей  
Снять, целуя, слезинку любви.

Милый кров, где текли  
Годы детства мои,  
От любви до любви где я рос, —  
Я, покинув тебя  
Оглянулся, скорбя, —  
Но твой шпиг был чуть виден сквозь слез.

Уж не шлю я привет  
Милой Мэри, — о нет, —  
Милой Мэри, кого так любил, —  
Но я помню тот сад,  
Где ловил ее взгляд,  
Где слезой ее взыскан я был.

Хоть другому она  
Навсегда отдана,  
Мир ей! Буду всегда ее чтить.  
От обманчивых снов  
Я отречься готов  
И, в слезах, ей измену простить.

Дорогие друзья!  
Как покинул вас я, —  
Я судьбину молил об одном:  
Если вновь встречу вас, —  
Пусть в тот радостный час,  
Как в прощальный, слезу мы прольем.

Если ж дух бедный мой  
Улетит в мир иной,  
И засну я в гробу, в тишине, —  
Вы, бродя в тех местах,  
Где тлеть будет мой прах,  
Уроните слезу обо мне.

И пускай мавзолей  
Над могилой моей  
Суею не пленяет глаза;  
Славы я не ищю  
И хвалы не хочу,  
Все, что нужно мне, – только слеза.

*1806*

*Н.А. Холодковский*

# Ответ на некоторые стихотворения Дж. М.Б. Пигота, эсквайра, относительно жестокости его возлюбленной

Зачем, Пигот, в отчаянном волненье  
На эту деву ропщете? Пройдет  
Хоть целый год, но вздох ваш и моленье  
Холодную кокетку не проймет.  
Вы научить любви ее хотите, —  
Так ветреным кажитесь перед ней:  
Она нахмурит брови; но уйдите,  
И улыбнется. О, тогда смелей  
Ее целуйте! Таково притворство  
Красавиц; все они убеждены,  
Что поклоненье – долг наш. Их упорство  
Колеблется, когда мы холодны.  
Таите боль и цепи удлиняйте.  
Пусть думает, что гордость вам не жаль.  
Тогда кокетка ваша, так и знайте,  
Ответит благосклонно на печаль.  
Но если все ж из ложного порыва  
Она страданья ваши осмеет,  
Уйдите прочь. Другой отдайтесь живо

И над кокеткой смейтесь в свой черед,  
Что до меня, – я двадцать их иль боле  
Боготворю. Но и плененный, все ж  
Я их бы всех оставил поневоле,  
Будь на нее характер их похож.  
Довольно вздохов! Слушайте совет:  
Прорвитесь сквозь утонченную сетку, —  
Довольно слез! Пути иного нет,  
Как бросить и забыть свою кокетку.  
И прежде, чем погибнете вполне,  
Разбейте эту сумрачную клетку,  
Чтоб не пришлось в сердечной глубине  
Вам проклинать бездушную кокетку.

*1806*

*А.М. Федоров*

# Гранта

*Ἀργυρέαισ λόγχασι μάχου και  
πάντα Κρατήσαισ<sup>2</sup>*

Когда б Лесажа хитрый демон  
Моим желаньям мог помочь, —  
Меня б вознес над домом всем он  
На шпигц Марии в эту ночь.

Раскрыв все крыши старой Гранты,  
Он мог бы в залах показать,  
Как спят и видят там педанты  
За голос – луг иль лавку взять.

И Пальмерстона бы, и Пэтти  
Увидел я в числе ловцов,  
Влекущих в выборные сети  
Как можно больше голосов.

Вот избиратели все кучей  
Лежат, толпа усыплена;  
Им благочестье – щит могучий  
И совесть их не будит сна.

---

<sup>2</sup> Сражайся серебряными копьями (т. е. подкупом) – и ты во всем победишь (греч.).

Лорд Г. – тот быть спокоен может;  
Не глупы парни: ясно им,  
Что к производству он предложит  
Их одного лишь за другим.

Все знают: выгодных местечек  
Большой у канцлера запас;  
«Вот мне бы» – мыслит человек  
И ухмыляется сейчас.

Но ночь бежит; сном безмятежным  
Пусть спят себе лентяи там;  
Я обращаюсь к твоим прилежным,  
О alma mater, сыновьям.

Ища наград колледжа честно,  
Вот кандидат долбит урок;  
Полночный час; в каморке тесно;  
Он рано встал и поздно лег.

Сомнения нет: ценой стараний  
Он все награды заслужил;  
Для бесполезных разных знаний  
Потратил он немало сил;

Он стих аттический скандует,  
Не зная отдыха, – хоть плачь;  
Под тяжким бременем тоскует

Математических задач;

То вздором Силя ум свой мучит,  
То в треугольник углублен,  
Обедов сносных не получит,  
В латыни ж варварской силен.

Для исторической же Музы  
За то всегда он глух весьма:  
Ему квадрат гипотенузы  
Важней ученого письма.

А впрочем он один лишь, бедный,  
Страдает от таких трудов;  
Зато вдвойне забавы вредны  
Других – отчаянных голов.

Пиры их взору нестерпимы,  
Разврат с позором слит вполне,  
Игра и пьянство там любимы,  
И разум топится в вине.

Иное дело – методисты:  
Реформы на уме у них;  
Они поют, смиренны, чисты,  
И молят за грехи других.

Одно у них пришло в забвенье:  
Что гордость духа, лишний пыл —

Все их хваленое смиренье  
Лишают большей части сил.

Но вот уж утро... Отвращая  
От них свой взор, что вижу я?  
В одеждах, белых поспешая,  
Через луг бежит людей семья;

Часовни колокол их рьяно  
Зовет... Вот смолк он... В тишине  
Небесной песнью звук органа  
Волнами стелется ко мне,

И вместе с ним несется звучно  
Трель королевского певца:  
Но эту песню слушать скучно,  
Кто раз прослушал до конца.

Наш хор, – он ниже снисхожденья:  
Из новичков составлен он  
И стоит только осужденье,  
Как грешных карканье ворон.

Когда б Давид услышал пенья  
Своих псалмов в таких устах, —  
Псалмы б он отнял, без сомненья,  
И разорвал бы их в сердцах.

Евреям пленным на Евфрате

Тиранов власть велела петь  
О бесконечной их утрате  
И о беде своей скорбеть.

О, если б *так* они запели, —  
Со страха ль, ум ли б подсказал, —  
Они б легко достигли цели:  
Сам черт их слушать бы не стал!

Но что ж пишу я? Скучно стало...  
Кой черт начнет меня читать?  
Перо скрипит, чернил уж мало...  
Конечно, мне пора кончать.

Прощай же. Гранта! Налеталась,  
Как Клеофас, душа моя;  
От темы Муза отказалась,  
Устал читатель, — да и я.

1806

*Н.А. Холодковский*

# Вздыхающему Стрефону

Прощенья у вас хоть тысячу раз  
За рифмы молю, изливаюсь.  
Из дружбы одной я дух ваш больной  
Старался рассеять и каюсь.  
С тех пор, как она вам так предана,  
Мне ваше безумье не горе.  
В ней прелесть мечты, алтарь красоты,  
Я чту ее с верой во взоре,  
Но должен сказать, что трудно узнать  
Из рифм ваших образ завидный.  
Я так вас жалел: ваш дух так горел  
Пред скрытностью этой обидной.  
Уста ее вам волшебный бальзам,  
Ея поцелуй вас мгновенно  
Вознес до небес, весь мир в нем исчез.  
Ничто мой совет – несомненно.  
«Когда я брожу, любви не служу», —  
Сказали вы. Это понятно.  
И я в старину любил не одну,  
Но мне перемена приятна.  
Я вам предлагать не стану пленять  
Красавиц, как пишут в романе.  
Улыбка мне льстит, но сумрачный вид  
Мне то же, что буря в стакане.

Покуда в крови – огонь, для любви  
Я враг платонизма упорный.  
Безумным меня считала б твоя  
Любовница, – вывод бесспорный.  
Всех женщин забыть, одну лишь любить,  
Ей сердце отдать во владенье,  
О ней лишь вздыхать, ее лишь ласкать...  
Но это другим оскорбленье.  
Теперь, о, Стрефон, последний поклон.  
Любовь ваша вся бестолкова,  
Но, правда, – чиста: она ведь влита  
В одно только праздное слово.

*1806*

*А.М. Федоров*

# Сердолик

Не блеском мил мне сердолик!  
Один лишь раз сверкал он ярок,  
И рдеет скромно, словно лик  
Того, кто мне вручил подарок.

Но пусть смеются надо мной,  
За дружбу подчинюсь злословью:  
Люблю я все же дар простой  
За то, что он вручен с любовью!

Тот, кто дарил, потупил взор,  
Боясь, что дара не приму я,  
Но я сказал, что с этих пор  
Его до смерти сохраню я!

И я залог любви поднес  
К очам – и луч блеснул на камне,  
Как блещет он на каплях рос...  
И с этих пор мила слеза мне!

Мой друг! хвалиться ты не мог  
Богатством или знатной долей, —  
Но дружбы истинной цветок  
Взрастает не в садах, а в поле!

Ах, не глухих теплиц цветы  
Благоуханны и красивы,  
Есть больше дикой красоты  
В цветах лугов, в цветах вдоль нивы!

И если б не была слепой  
Фортуна, если б помогала  
Она природе, – пред тобой  
Она дары бы расточала.

А если б взор ее прозрел  
И глубь души твоей смиренной,  
Ты получил бы мир в удел,  
Затем что стоишь ты вселенной!

*1806*

*В.Я. Брюсов*

# Хочу я быть ребенком вольным

Хочу я быть ребенком вольным  
И снова жить в родных горах,  
Скитаться по лесам раздольным,  
Качаться на морских волнах.  
Не сжиться мне душой свободной  
С саксонской пышной суетой!  
Милее мне – над зыбью водной  
Утес, в который бьет прибой!

Судьба! возьми назад щедроты  
И титул, что в веках звучит!  
Жить меж рабов – мне нет охоты,  
Их руки пожимать мне стыд!  
Верни мне край мой одичалый,  
Где знал я грезы ранних лет,  
Где реву Океана – скалы  
Шлют свой бестрепетный ответ!

О! я не стар! Но мир, бесспорно,  
Был сотворен не для меня!  
Зачем же скрыты тенью черной  
Приметы рокового дня?  
Мне прежде снился сон прекрасный,  
Виденье дивной красоты...

Действительность! ты речью властной  
Разогнала мои мечты.

Кто был мне друг – в краю далеком,  
Кого любил – тех нет со мной.  
Уныло в сердце одиноком,  
Когда надежд исчезнет рой!  
Порой над чашами веселья  
Забудусь я на краткий срок...  
Но что мгновенный бред похмелья!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.